

НАРРАТИВНЫЙ МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В статье анализируется значение и роль нарратива в организации и презентации научного познания, характеристике коммуникации в познавательном процессе.

V. Yakovlev

NARRATIVE AS A METHOD OF SCIENTIFIC COGNITION

The value and functions of the narrative in organisation and presentation of scientific cognition and in the characteristic of communication in the cognitive process are analysed in the article.

Функционирование научного знания невозможно понять без обращения к его нарративной (повествующей) составляющей. В процессе производства знания субъект не только описывает и объясняет те или иные феномены реальности, но и повествует о них контрагентам познавательной ситуации, которая исторически и темпорально зависит от контекста познавательной коммуникации. Возникает вопрос, как соотносится нарративная форма организации знания с репрезентируемой в ней реальностью, какова роль нарратива в качестве методологического принципа познавательного процесса? Насколько корректно сравнивать рациональное логически обоснованное научное знание с нарративом, как «рассказанной» историей?

Классический тип научной рациональности был основан на принципе, согласно

которому объективность знания достигается только тогда, когда из объяснения элиминируется все, что так или иначе относится к субъекту познавательной деятельности. Идеалом знания было построение бессубъектной картины мира, основное внимание знания было направлено на поиск наглядных, вытекающих из опыта онтологических принципов, лежащих подобно платоновским идеям в основании самой реальности.

Научному мышлению традиционно была присуща уверенность, что истинное знание в перспективе должно обязательно найти абсолютно твердые фундаментальные логические основания. Следствием такой гносеологической парадигмы знания стало господство натуралистической схемы объяснения научных фактов, всякий разрыв с которой рассматривался как отход от идеалов научности.

Эссенциализм классической рациональности стал объектом критики со стороны постмодернистской философии науки (М. Фуко, Ф. Гаттари, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар), представивших познавательный процесс как повествование (нарратив), имеющий много общего с актами диалогической коммуникации в других сферах социокультурного опыта. Понятие нарратива становится предметом заинтересованного изучения в эпистемологии (Р. Рорти, Э. Гросс) в связи с общим «лингвистическим поворотом» в философии, ее обращенности к коммуникативной, культурно-исторической стороне производства знания, анализу процессов смыслообразования и понимания в познавательном процессе.

Таким образом, внимание к нарративу в научном дискурсе продиктовано, во-первых, критикой эссенциализма, фундаментализма и объективизма классической научной рациональности, с ее идеалом исчерпывающего знания, ассимилирующего объективную сущность предмета познания средствами дедуктивной логики научного познания. Во-вторых, этому способствовали резонансные идеи общенаучного движения в синергетике, предложившей концепцию нестабильности, отрицание жесткого детерминизма лапласовского типа, исследование процессов самоорганизации открытых динамических систем, частью которых является сам человек, что в совокупности вело к новым мировоззренческим экстраполяциям в культуре мышления, которые стали основанием постнеклассической науки.

Новое отношение к миру в постнеклассической рациональности, способствовало пониманию родственной близости деятельности ученого и автора в литературном произведении, которое изначально открыто для различных вариантов развития сюжета повествования. В результате таких изменений нарратив научного дискурса стал «рассматриваться как разновидность в семье нарративных культур»¹.

Внимание эпистемологии к исследованию активности субъекта в познавательном

процессе, в котором не только определяются свойства исследуемой реальности, но и привносятся смыслы социального бытия человека, поставило под сомнение идею элиминации субъективной составляющей знания, заставило пересмотреть концепт аксиологически «нейтрального» знания, нацеленного на объективацию унифицированной истины.

Новое понимание природы научного познания предполагает междисциплинарный подход в эпистемологии, направленный одновременно как на когнитивные механизмы осмысления научного знания, так и на исследование ценностно-смысловых оснований познавательного процесса, в котором когнитивные, аксиологические и семантические факторы познавательного процесса, не противопоставляются, а предполагают друг друга. В силу этого в сфере эпистемологии открываются новые перспективы и возможности философского исследования науки, проблемы которой приобретают явный аксиологический характер, тесно связанный с нарративной природой знания.

Реализация этой программы предполагает исследование социального бытия субъекта познания, обращение к intersubjectивным факторам, характеризующим познание в коммуникативном взаимодействии, в котором *cogito* эксплицируется через человеческое общение, наделяющее знание определенным нарративным семантическим содержанием.

Предпосылкой этого является переход в трактовке разума, предложенный Ю. Хабермасом, от познавательно-инструментальной рациональности к коммуникативной ее концептуализации². Центральным пунктом его «теории коммуникативного действия» является различение инструментального и коммуникативного разума. Отмечая эти две неразрывные грани единого человеческого мышления, Хабермас подчеркивает, что инструментальная рациональность отвечает за когнитивно-инструментальные результаты познания и дея-

тельности, в фокусе которых социокультурный контекст деятельности и мышления игнорируется. В отличие от этого, в коммуникативной рациональности основное внимание агентов социальной интеракции направлено не на достижение прагматического успеха, а на взаимопонимание и преодоление межсубъектных противоречий. Коммуникативную рациональность он характеризует как взаимодействие субъектов познания, которое организуется в соответствии с нормами, неявно оцениваемыми людьми в качестве должных и необходимых. Таким образом, деятельность мышления уточняется Хабермасом в соответствии с направленностью дискурса, в котором различается отношение человека к миру, с одной стороны, и отношение к агентам интеракции, социального взаимодействия — с другой. В последнем случае основной акцент делается на процессуальности высказывания, на понимании смысла деятельности участниками социального взаимодействия, которое является значимым в практике нарративного процесса. В ходе этого взаимодействия коммуникативный разум ориентирован на то, чтобы высказывание, претендующее на адекватное описание мира, легитимно вписывалось в контекст социально значимых норм коммуникации.

Коммуникативный характер научного познания в контексте языкового дискурса, процедур интерпретации, диалектики вопросов и ответов, реализуемой в процессе диалога, предполагают важную роль герменевтического опыта понимания и осмысления реальности, которые представляют универсальную форму деятельности человеческого мышления³.

Важнейшим условием понимания является специфически-диалоговый характер осмысления реальности в процессе познания. Диалогический характер мышления — центральный принцип концепции М. М. Бахтина, который считал, что речь как специфическая деятельность получает форму высказывания, в котором один субъект ре-

чевого общения обращается и адресуется к другому. Специфической особенностью диалогического характера речевого общения является «смысловые отношения между высказываниями», а не словами и предложениями⁴.

Вопросно-ответная форма изложения знания как определенного нарратива представляет постановку вопросов как проблемных ситуаций и нахождение ответов на них, как решение поставленных проблем. Вопросно-ответный метод осмысления знания предполагает различные типы постановки проблем: вопросы-опровержения, вопросы-уточнения, вопросы-сомнения, вопросы-долженствования, вопросы-требования и т. п. В процессе сопоставления различных идей и представлений происходит поиск истины и обоснование знания в его конкретности и необходимости. При этом нарративный диалог не следует понимать буквально как беседу двух или нескольких субъектов. Фактически диалог реализуется внутри субъекта как способ понимания и осмысления реальности, диалог с культурным и историческим опытом миропонимания, который является принципиально открытым для интерпретации. Таким образом, практика познавательной деятельности не строится из высказываний констатирующего дескриптивного характера, описывающих предмет познания в нарративной практике «нейтральным» образом. Нарративному повествованию предшествуют вопросы, проблемные ситуации, которые становятся специфическими ответами в разрешении противоречий наличного знания.

Диалоговый характер человеческого бытия — центральная проблема философской герменевтики Г. Гадамера, в трактовке которого поиск истины является активным диалогом, а не монологом исследователя самим с собой. Всякое повествование о предмете познания это всегда вопрошание, возражение или согласие, понимание или непонимание смысла текста, которые составляют фундаментальные основания человеческого искания истины. Язык на-

уки «погружен» в движение живого нарративного рассказа и коммуникативного общения субъектов познания, в котором вопрос является исходным пунктом динамики когнитивного процесса: как знание о незнании, он задает вектор направления деятельности мышления, в котором возможно получение ответа, разрешения проблем и таким образом обретение истины⁵. Познавательная ситуация возникает там, где обнаруживаются вопросы, схватываются противоречия между тем, что «есть» в наличном знании о мире и тем, что «должно быть» исходя из целостного мировоззренческого восприятия проблемной ситуации в более широком контексте коммуникативного понимания.

Иными словами, вопрос в нарративной практике повествования о предмете есть некая установка, задающая систему координат получаемого знания: поднимая конкретный вопрос можно получить на него определенный ответ. Вопрос в таком случае детерминирует предмет познания, является ключом некоторого промежуточного ответа, который обуславливает следующий вопрос научного дискурса, в котором проявляется диалогическая природа знания.

Таким образом, познание как человеческое искание истины изначально предполагает диалог, имеющий вопросно-ответную нарративную схему, явно или неявно используемую интерпретатором, который поднимает вопрос исходя из собственного мировоззренческого «горизонта» понимания. Текст, таким образом, понимается сквозь призму вопроса и воспринимается как форма ответа на определенное вопрошание. При этом вопрос-ответная схема нарративного повествования является фактически схемой постановки и решения задач в исследовательской деятельности, в структуре которой абстрактное, внеисторическое позиционирование субъекта невозможно. Вопросы смысла познавательной деятельности зависят от мировоззренческого контекста когнитивной и коммуникативной ситуации. При этом ответ на по-

ставленный вопрос не допускает однозначного решения на основании логических принципов: мир культурного контекста неисчерпаем. Смысл, отмечал М. М. Бахтин, потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом.

Нарратив, как и диалог, является обменом смыслами, а не словами, хотя высказывания состоят из отдельных слов и предложений. При этом каждое высказывание характеризуется не только определенным предметно-смысловым содержанием, но и аксиологическим отношением к предметно-смысловому содержанию этого высказывания, которое не может быть нейтральным даже в так называемых «точных» науках. Существенным признаком любого высказывания является его адресованность определенной аудитории. При этом адресат не является пассивной стороной нарративного отношения, он влияет на потенциальную ответную реакцию адресанта.

Таким образом, диалогические интенции мышления представляют собой универсальное явление, пронизывающее все формы человеческого отношения к миру. В ходе диалогического коммуникативного взаимодействия субъект не только соотносится с другими, но и вопрошает, спорит с самими собой, обществом, историей, изменяется сам в результате этого процесса. В. А. Лекторский отмечает, что такая коммуникация не является чем-то внешним для индивида, а относится к фундаментальной структуре его сознания. «Диалог — это не внешняя сеть, в которую попадает индивид, а единственная возможность самого существования индивидуальности, т. е. то, что затрагивает его внутреннюю сущность»⁶.

Тематизация коммуникативного разума в нарративной практике характерна также для сторонников постмодернизма, в основе которого лежит разделение разума на законодательный (классическое понимание мышления) и интерпретативный (неклассическое его истолкование). Законода-

тельный разум фундируется на презумпции разума эпохи модерна судить обо всем в мире, обосновывая такое право универсальными свойствами логики дискурсивного мышления, которая оперирует при помощи неизменных нормативных принципов. Мировоззренческий кризис, к которому привела логоцентристская установка разума, негативные последствия дегуманизации массовой культуры привели к критике рациональности основанной на таких предпосылках. Отказ от законодательного разума, обоснованный в концепции философского постмодернизма направлен на замещение его интерпретативным разумом, являющимся основанием эпохи постмодерна⁷. Интерпретативный разум ориентирован на переход от исследования оснований знания с позиций трансцендентальной философии в сферу языка, дискурса и практику повседневности.

Основная презумпция Ж.-Ф. Лиотара состоит в том, что «по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — постмодерна, изменяется статус знания». Социальные инновации трансформировали мировоззренческие основания знания, вызвали недоверие к «большим нарративам» классической рациональности. Постмодерн характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром с позиций отказа от метанарратива как способа обоснования знания, которое не существует на абсолютных и универсальных критериях легитимации разума. Ссылаясь на концепцию «языковых игр» Л. Витгенштейна, Лиотар исходит из презумпции наличия нескольких типов высказываний о мире, регулируемых специфическими правилами. Наряду с денотативно-дескриптивными утверждениями прагматики науки, описывающими предмет познания в определениях истины или заблуждения, в структуре знания выделяются «перформативные суждения», неявно предполагающие демонстрацию действия, «прескриптивные суждения», предстающие в качестве рекомендаций, приказов, инструкций, прошений, вопросов,

восклицаний и т. д. При этом правила и нормы денотативно-дескриптивных высказываний не столько описывают реальность, какой она «есть сама по себе», сколько предписывают, какой она «должна быть» в контексте высказываний языка научной теории.

В структуре организации знания, нарратив, описание и предписание прагматики науки (денотативные, прескриптивные, перформативные высказывания) предстают как единое целое. При этом нарратив с точки зрения постмодернистской философии науки является наиболее естественной для человека формой объективации и презентации знания. Нарративная форма языка науки присуща не только гуманитарным дисциплинам, но и физико-математическим отраслям знания, в основании которого также лежит повествование, предполагающее определенный сюжет, сравнение, аналогии, бинарные оппозиции, введение, выводы и т.д. «Ученый, — неоднократно повторяет Ж.-Ф. Лиотар, — это прежде всего тот, кто «рассказывает истории», но потом должен их проверять»⁸. Научное познание ориентировано на денотативные высказывания и устранение прескриптивных и перформативных, которые представляют неустранимый контекст научного знания. В постмодернистской трактовке основания знания, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, предполагают ориентацию не на замкнутые метафизические системы «больших нарративов», а на открытую систему коммуникативного многообразия локальных систем «малых нарративов», вне диалога которых в процессе производства знания нет реального научного творчества.

Развитие современной науки предполагает рефлексию социокультурного единства ценностей познания с ценностями человеческого бытия. Смена оснований классической науки в процессе трансформации ее фундаментальных принципов в постмодернистскую науку связана, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, с общекультурными и когнитивными процессами производства зна-

ния. В последнем случае он отмечает смену идеалов и норм познания в связи с революционными изменениями в квантово-релятивистской физике, с новациями концепции Гёделя в математике и логике, с теорией катастроф и появлением синергетики.

Осмысление нарративной проблематики культуры в постмодернизме предельно обострило проблему текста, указав на принципиальную невозможность его однозначной интерпретации, на опосредующую роль текста в процессе освоения мира человеком, в контексте которого знание предстает в форме социального конструкта. Вместо не критического принятия натуралистической картины мира, однозначно представленной текстом, постмодернистская философия предложила его «деконструкцию» (Ж. Деррида), выявление когнитивной неоднородности и множественности его смысловой структуры. Вследствие этого модернистская позиция «очевидности» наблюдаемого стала предметом критики, субъект познания оказался включенным в изучаемую реальность, которая предстает как социальное ее конструирование. «Очевидное» характеризует привычный, легко узнаваемый порядок вещей, естественный способ мышления и деятельности. Это модус несомненности миропонимания, в контексте которого субъект не рефлексирует по поводу того, что мир конституируется в структурах смыслополагающей деятельности мышления, имплицитно предполагая, что в процессе познания описывает свойства реальности в «чистом виде». Однако «очевидный» порядок вещей отнюдь не является само собой разумеющимся. Он предполагает выбор на основе определенного миропонимания, разрешение одних возможностей за счет других, конституирование ценностной позиции, которая сама по себе является концептуальной теоретической картиной реальности, предписывающей в определенных пределах смысл фактам и событиям эмпирического опыта. Это позволило постмодер-

ну заявить о семантической неоднозначности интерпретации реальности, очертить эпистемологический приоритет частного социокультурного опыта, закрепленного в естественном языке, в котором особую роль играет нарратив.

Как подчеркивает Ж.-Ф. Лиотар при помощи нарратива, человек придает социальным практикам культурно-значимую форму и смысл, организует когнитивный опыт, выделяя в нем обязательный исходный пункт, основное содержание и заключение. Нарративы тотальны, как способы организации социального опыта в культуре, локальны в силу исторически конкретных типов его восприятия, обладают социальной инструментальностью и прагматическим контекстом. Нарратив, по мнению И. Брокмейер и Р. Харе, выражает совокупность норм в различных практиках коммуникации, направленных на придание смысла знанию и его оправдание, что в эпистемологическом смысле представляет собой «ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры»⁹.

Как способ достижения социально обусловленных коммуникативных целей, нарратив, связан с личностью субъекта, который не только выражает знание, но и воздействует на аудиторию, отстаивает свою позицию, выстраивает идентичность собственной жизни. Таким образом, нарратив представляет систему норм, способствующих интеграции частного познавательного феномена в целостный культурно заданный канон миропонимания, в котором субъективный образ мира связан с обобщенными универсалиями культуры. В практике научного дискурса нарративы являются способом придания смысла несвязанным внешне событиям в единое целое, организуя значение когнитивного феномена в человеческом смысловом измерении, упорядочивая познавательные процессы в единый, связный сюжет. В таком качестве нарратив предстает как при-

мер целенаправленно организованного познавательного опыта, у которого есть начало (постановка проблемы), середина (основное содержание) и окончание (выводы).

В связи с тем, что реальность может быть освоена человеком только через повествование, нарратив предстает как специфическая эпистемологическая форма организации знания. Он характеризует способ презентации когнитивного опыта при помощи последовательности упорядоченных событий, которые конструируются изоморфно актам языковой коммуникации. Поскольку понимание человеком текста и понимание им самого себя аналогичны, смысл познавательных актов выражается с большей полнотой именно в повествовании, без которого понимание и осмысление знания практически невозможно.

Человек выделяет в процессе познания определенные моменты, обладающие для него социокультурным смыслом и значением, что требует от повествующего определенной нарративной компетентности. В отличие от статики описания, нарратив предполагает динамику осмысления предмета в результате целенаправленного изложения определенного «сюжета» последовательности фактов и событий. Феномен нарратива наиболее отчетливо проявляется в резюме текста, в приемах обращения внимания контрагента коммуникации к актуальному, прошлому, артикуляции позиции автора и т. д.¹⁰

Имея начало, постановку и оценку проблемы, решение и заключение познавательного «сюжета», нарратив реализует процедуру осмысления полиморфной реальности в единое целое, представляемое в качестве некоторой серии закономерных процессов или событий. В классическом виде нарратив явно представлен в исторической науке, где он обнаруживается как такая форма существования знания, которая снимает известную дихотомию объяснения и понимания. Описывая прошлое как ряд упорядоченных во времени событий, нарративный метод позволяет струк-

турировать прошлое, избирательно отбирать релевантную информацию, интерпретируя ее рассмотрение через призму настоящего и будущего, соизмерять интерпретацию с культурным дискурсом и социальными условиями, в рамках которых прошлое играет роль ориентира в настоящем¹¹. Таким образом, историк не только описывает, но и повествует, действует как литератор, поскольку его нарратив подчиняется тем же канонам, которые явно присутствуют в художественном произведении. Однако это не означает, что подобно литературе, историк свободно «жонглирует» смыслами по собственному усмотрению: его теоретические конструкции предполагают опору на реальные события, наиболее точное воспроизведение исторических процессов. Используя нарратив, он не просто выстраивает их в определенной последовательности, но и переосмысливает их канву, заставляя исторические факты предстать перед читателем «сюжетно-осмысленным» образом.

Таким образом, большинство познавательных интеракций содержат элементы нарратива, тип которого зависит от личности ученого, отрасли знания, специфики научного сообщества, темпоральной ситуации «здесь и теперь» в контексте культуры, которая предполагает возможность нескольких вариантов репрезентации одного и того же познавательного явления. Причины обращения к понятию нарратива в научном познании продиктованы тем, что объект познания, как аналог некоторого текста, наделяется определенным смыслом, который отличен от логических средств его выражения, из чего следует возможность его интерпретации.

При помощи нарратива происходит отбор и интерпретация фактов и событий, их трансформация в некоторый «сюжет», который призван объяснить, почему эти события происходили именно так, а не иначе. Нарратив упорядочивает, организует, убеждает, задает модели интерпретации реальности, акцентируя внимание аудито-

рии на одних явлениях и умалчивая о других. В результате неоднородные явления в познавательных целях структурируются в единую схему, получают смысл и значение в социальном и коммуникативном контексте. При помощи нарратива субъект идентифицирует себя как представителя определенной общности и культуры, представляет себя социальной аудитории, осваивает и транслирует определенную систему ценностей. Нарративный метод выступает как способ конституирования смысла, который стремится не столько к нейтральной

объективности факта, сколько к объективности смысла социокультурного опыта исторического субъекта, который идентифицирует себя в контексте социокультурного отношения к миру¹². Эта особенность нарратива указывает на то, что субъект как интерпретатор когнитивной практики находится в онтологическом смысле «внутри» познавательного процесса, что методологически заставляет отказаться от трактовки его статуса в качестве «внеаходимого» интерпретатора, извне взирающего на реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — СПб., 1998. — С. 70.
- ² Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Т. 1. // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. — 1993. — № 4. — С. 58.
- ³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — М., 1988. — С. 624.
- ⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 297.
- ⁵ См.: Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. — М., 1991. — С. 130.
- ⁶ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2001. — С. 46.
- ⁷ См.: Фуко М. Слова и вещи. — СПб., 1994.
- ⁸ Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. — С. 143.
- ⁹ Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. — 2000. — № 3. — С. 36.
- ¹⁰ См.: Maines D. R. Narrative's Moment and Sociology's Phenomena — toward a Narrative Sociology // Sociological Quarterly. — 1993. Vol. 34. — N 1. — P. 36.
- ¹¹ Gotham K. F., Staples W. G. Narrative analysis and the new historical sociology // The Sociological Quarterly. — 1996. Vol. 37. — № 3. — P. 499.
- ¹² См.: Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 46.